
ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

Изъ дневника сельскаго священника.

Attende ubi, albescit veritas.

Августинъ.

I.

„Зачѣмъ же изображать бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства?“ съ горечью въ сердцѣ восклицалъ великій юмористъ, изображая бѣдность, несовершенство нашей жизни, изображая яркими красками всю пустоту, тупость и пошлость русской дѣйствительности и въ тоже время не имѣя силъ, не имѣя возможности выхватить изъ жизни что либо положительное, создать живой образъ могущества и силы русскаго духа. И онъ всегда искалъ этого „мужа, одареннаго божескими доблестями“, трепетно ждалъ, что вотъ-вотъ пройдетъ „чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія“, — искалъ — и не нашель, ждалъ и — не дождался. Въ страшныя минуты упадка духа и одиночества, когда сердце обливается кровью и тупое отчаяніе охватываетъ все существо, ему, быть можетъ, грезились на яву „выкопанные имъ люди изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства“; со всею ихъ грубостью, пошлостью и тупостью стояли передъ нимъ изображенныя имъ «мертвыя души» и онъ восклицалъ въ душевной тоскѣ:

— „Русь! Моя бѣдная Русь! Это ты! Вся ты тутъ предо мною“!

И неужели это вся Русь? Ужели на Руси и есть только эти Поздревы, Маниловы, Плюшкины, Собакевичи, Чичиковы, Хлестаковы, Коробочки, Сквозники-Дмухановскіе, дамы просто пріятныя

и во всѣхъ отношеніяхъ и прочіе гоголевскіе типы, имъ же имя легионъ? Неужели среди этого хаоса грязи и пошлости не проглянетъ яркій лучъ яснаго солнышка?

Возьмите любую газету, прочтите ихъ сотни и вездѣ, всюду вы встрѣтите одно и то же. Тутъ убили одного, тамъ ранили другого, тамъ—стрѣляли въ третьяго, тамъ цѣлыя сотни людей избиваютъ другъ друга, вездѣ ужасное, непомѣрное, какое-то дикое озлобленіе, не знающее себѣ предѣла пьянство, развратъ, грабежъ, буйство и дебоширство.

И не гнѣвъ,—нѣтъ, не гнѣвъ, не негодованіе, не безпощадное обличеніе, не грозное слово пророка, гнѣвно бичующаго порокъ и нечистоту нашей жизни хочется сказать въ это время, нѣтъ,—хочется пожалѣть всѣхъ, хочется сказать слово утѣшенія, хочется обнять всѣхъ и выплакать вмѣстѣ всю накопившуюся на душѣ горечь, хочется привѣта и ласки, хочется братской любви!

Русь! Моя бѣдная Русь! Очнись! Встань на ноги! Не ужасайся. Тяжело тебѣ, горько, невыносимо жгуча и остра твоя боль. Дай—я прикоснусь къ твоимъ ранамъ, дай—я обмою ихъ тебѣ чистой, теплой водой, дай—я перевяжу твои раны! Русь! Моя бѣдная Русь! Приди ты въ себя. Оглянись кругомъ. Слышишь ли ты голосъ, обращенный къ тебѣ: „Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ; возьмите иго мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ“? (Матѣ. XI, 28, 29.) Иди къ Нему, изстрадавшаяся душа, излей передъ Нимъ свое горе, Онъ—Милосердъ, Онъ прольетъ цѣлебный бальзамъ на твои раны, Онъ приметъ тебя, какъ принялъ нѣкогда блудницу, пришедшую къ Нему, Онъ возьметъ тебя на свои плечи, какъ заблудшую овцу, Онъ обыметъ тебя, какъ возвратившагося блуднаго сына!

Русь! Моя бѣдная Русь!

II.

Думаю, что такимъ именно, а не какимъ нибудь другимъ

голосомъ должны теперь говорить мы, пастыри церкви. Я неопытенъ еще въ духовной жизни и не могу высказывать свои мысли тономъ, не допускающимъ возраженій, и если кто исправитъ меня въ чемъ либо, то я буду за это глубоко благодаренъ, но мнѣ кажется, что по духу христіанскому, ради любви къ своему брату, которой учить насъ Нашъ Божественный Учитель Христосъ, который Самъ есть любовь, говорить другимъ тономъ, говорить другимъ голосомъ съ падшимъ, измученнымъ, изстрадавшимся братомъ, ищущимъ хоть капельки теплаго чувства къ себѣ, хоть небольшой помощи, поддержки, хоть немного любви, значило бы оттолкнуть его отъ себя, отторгнуть отъ свѣта ученія евангельскаго, оторвать отъ общенія любви Христовой, значить не давать того, что мы приняли отъ Христа и что мы обязаны подавать всѣмъ «алчущимъ и жаждущимъ правды».

Зачѣмъ подливать масла въ огонь? Зачѣмъ растравлять и безъ того наболѣвшія раны? Нужно обмыть ихъ, удалить изъ нихъ вѣками накопившійся гной, нужно сдѣлать спасительную операцію, а не раздражать „грознымъ словомъ обличенія“ и безъ того изстрадавшіяся наболѣвшія души, — не „клеймить пороки смѣло“ словомъ „облитымъ горечью и злостью“, нѣтъ, нужна любвеобильная душа пастыря, нужно милосердное, любовное слово кротости и утѣшенія, нужна горячая любовь къ своимъ братьямъ, заблудившимся, позабывшимъ подъ тяжестью жизненныхъ условій и Бога, и милость, и любовь. Ежедневно, ежеминутно нужно напоминать имъ, что «щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ. Не до конца прогнѣвается, ниже во вѣкъ враждуетъ; не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ есть намъ, ниже по грѣхомъ нашимъ воздалъ есть намъ“ (Пс. СІІ, 8-10.) Пришло время говорить и нельзя теперь молчать.

«Духовенству въ настоящее время молчать не только нельзя но и преступно», пишетъ Кіевскій Митрополитъ на журналѣ собранія Кіевского духовенства 27 февраля. „Непростительно грѣшитъ тотъ пастырь, который сторонится отъ жизни пасомыхъ, не же-

лая быть ихъ учителемъ въ то время, когда они особенно нуждаются въ отеческомъ совѣтѣ, въ духовной помощи, въ наставленіи отца-пастыря. Имѣя въ виду это, убѣдительнѣйше прошу пастырей и словомъ своимъ, и дѣломъ воздѣйствовать на жизнь пасомыхъ, охраняя ее отъ смуты, отъ упадка вѣры въ Бога и любви къ нашей Св. Православной церкви и людямъ. Всѣ средства свои, всѣ силы духовныя и моральныя должны пастыри направить къ этой цѣли. Тогда они дѣйствительно будутъ жить для своихъ пасомыхъ, ради ихъ временнаго и вѣчнаго блага“. («Церковный Вѣстникъ» № 15.)

III.

Среди причинъ, приведшихъ Россію къ тому печальному положенію, въ которомъ она находится въ настоящее время, думаю, не послѣднее мѣсто занимаетъ и молчаніе нашего духовенства, та вольная или невольная спячка, въ какой находилось оно въ продолженіе послѣднихъ вѣковъ. Молчаніе и сонъ въ настоящемъ случаѣ сослужили намъ плохую службу; по причинѣ этого молчанія, по причинѣ этой вѣковой спячки духовенство наше обособилось, выдѣлилось даже въ отдѣльное сословіе, у него оказались свои собственные, отдѣльныя отъ мірянъ интересы, интересы духовнаго сословія, интересы вѣдомства православнаго вѣроисповѣданія, а не интересы православной Церкви, не интересы христіанскаго духа. Получилась неутѣшительная картина. Пастыри стоятъ въ одной сторонѣ, а пасомые въ другой, и кажется, нѣтъ между ними никакой связи.

Если бы я былъ художникомъ, я бы нарисовалъ такую картину: на небольшомъ полѣ пасется большое стадо овецъ, голодныхъ и тощихъ, все поле уже избито и изрыто ихъ копытами до земли, не видать ни одной травки, нечего ѣсть и пить голоднымъ овцамъ, а тамъ вдали виднѣется большой лугъ, зеленая, сочная трава такъ и манитъ, такъ и зоветъ къ себѣ голодныхъ овецъ, только некому ихъ вести туда, ихъ пастухъ гдѣ-то далеко отъ

нихъ, подъ зеленымъ кустомъ спитъ непробуднымъ сномъ и не видитъ, и не слышитъ онъ, что давно уже среди овецъ бѣгають волки и расхищаютъ его стадо, и не могутъ овцы никакъ разбудить его своимъ слабымъ, болѣзненнымъ блеяніемъ. Не спору, конечно, картина эта страдала бы черезъ чуръ мрачнымъ сгущеніемъ красокъ, черезъ-чуръ темнымъ колоритомъ, но идея-то была бы вѣрна. Вѣдь нужно сознаться, что въ настоящее время между пастырями и пасомыми существуютъ какія-то чисто формальныя отношенія. Мирянинъ обращается къ священнику только за тѣмъ, чтобы тотъ совершилъ какую нужно потребу. Священникъ идетъ, сдѣлаетъ, что отъ него требуется, получаетъ за это извѣстную мзду и... дѣло считается конченнымъ. Что это такое: пастырь и пасомый или что нибудь другое? Иной разъ, по ошибкѣ, конечно, пожалуй признаешь въ нихъ и купца съ покупателемъ. Вотъ до чего иной разъ доходитъ наша обособленность отъ мірянъ! И мудрено ли послѣ этого, что прихожане въ своихъ нуждахъ никогда не обращаются за совѣтомъ и наставленіемъ къ своему пастырю? Мудрено ли послѣ этого, что мы, пастыри, прозѣвали даже такое событіе, какъ беспорядки рабочихъ во многихъ городахъ Россіи. Вѣдь если бы между пастырями и пасомыми отношенія были такими же, какими они были въ первыя времена христіанства, ужели бы рабочіе не обратились къ своему пастырю за совѣтомъ и наставленіемъ, ужели бы они стали слушать и поступать такъ, какъ говорятъ имъ ихъ самозванные учителя и радѣтели, хотя бы и на словахъ, о ихъ благѣ, ужели бы они, слушая ихъ рѣчи, такъ бы и пошли за ними, не спросивъ у своего пастыря — отца?

Думаю, что нѣтъ.

«Но... что же теперь? — пишетъ авторъ статьи «Причины печальныхъ событій» — молчать ли? Да не отъ молчанія ли неожиданныя жертвы? Слишкомъ тяжелы онѣ, слишкомъ грозенъ урокъ чтобы продолжать молчать“. („Церк. Вѣстн.“ № 3.) Нѣтъ, нужно живое, любвеобильное пастырское слово, нуженъ горячій призывъ къ Богу, къ истинѣ, къ свѣту! Пора опомниться! Ужели еще не

достаточно тѣхъ горькихъ уроковъ, которые выпали на долю нашей родины?

Пора проснуться! Пора поднять отяжелѣвшія, разболѣвшіяся отъ сна головы, пора умыться чистой, холодной водой. Пора прислушаться ко всему, что дѣлается кругомъ! Пора обо всемъ сказать свое слово! Пора вспомнить Апостольское: „всѣмъ быхъ вся“! (I Кор. IX, 22.) Пора учить и наставлять!

Но и среди православнаго русскаго духовенства, какъ мы сейчасъ увидимъ, не всѣ „спящіе“, есть и бодрствующіе,—есть и „живыя души“. Вотъ они.

Въ газетѣ «Русское Слово» помѣщены корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій извѣстнаго писателя В. И. Немировича-Данченко, въ которыхъ говорится о геройскихъ подвигахъ нашихъ русскихъ, православныхъ священниковъ тамъ, гдѣ стономъ стонетъ земля, гдѣ сотни тысячъ людей уничтожаютъ другъ друга страшными смертоносными орудіями—продуктъ „христіанской“ цивилизаціи образованнѣйшихъ изъ народовъ земли. Съ крестомъ въ рукѣ, съ горячей любовью въ сердцѣ къ измученному походной жизнью, израненному въ дни военной непогоды меньшому брату, безтрепетно смотря прямо смерти въ глаза, идутъ они просто и незамѣтно на великій подвигъ любви христіанской, утѣшая въ предсмертной тоскѣ умирающихъ воиновъ. Эти подвижники, эти „человѣки на войнѣ“, какъ называетъ ихъ Немировичъ-Данченко, своими незамѣтными, но великими дѣлами не даютъ окончательно пасть мятущемуся духу, не даютъ унынію овладѣть душой. Если есть еще на Руси такіе подвижники, эти незамѣтные богоносцы, то еще не совсѣмъ извѣрилась эпа, не совсѣмъ еще забыла Бога, не совсѣмъ еще уснула, не „навѣки почила“, есть еще надежда, что разбудятъ ее эти праведники, что есть еще сильныя, крѣпкіе, здоровые зародыши жизни, а не выродки нашего нервнаго вѣка.

Имена священниковъ Курлова, Милованова, о. Георгія (Шавельскаго) и о. Евферія Макаренко долго будетъ помнить Св. Русь.

не та Русь, городская, одѣтая по послѣдней модѣ—у этой Руси память коротка, но Русь—сѣрая, простая, деревенская Русь, полуграмотная, одѣтая въ зипунъ и армякъ. Измученный, израненый, брошенный на дорогѣ среди грязи и крови, оставленный всѣми своими подъ дождемъ картечи и шрапнели, полунагой, голодный солдатъ, подобранный о. Евферіемъ Макаренко, выхваченный такъ сказать, изъ подъ самага носа у непріятеля, отогрѣтый, одѣтый, накормленный имъ, согрѣтый и утѣшенный его ласковымъ словомъ, да онъ всегда и вездѣ будетъ благодарить его, съ благодарностью, со слезами умиленія будетъ вспоминать о немъ, всѣмъ будетъ рассказывать о „святомъ батюшкѣ“, и пойдутъ о немъ рассказывать по Св. Руси, и пронесутся о немъ отъ края до края легенды и сказанія и долго-долго не забудетъ ихъ благодарная сѣрая Русь.

„Какой ты отецъ“? говоритъ ему (о. Макаренко) одинъ солдатъ.—Ты настоящая мать... Только мать такъ сына жалѣетъ“... („Русск. Сл.“ № 93.)

Вотъ онъ—незамѣтный, но великій подвижникъ! „Я думаю, пишетъ Немировичъ-Данченко, такихъ мимо васъ, въ странствіяхъ по глухимъ пустынямъ и закоулкамъ, проходитъ много, и никогда они на себѣ вашего взгляда не останавливаютъ“... Но—„не стало его, и вся машина чуть не остановилась... Кажется, никогда не высывались, никакой роли не играли. Всѣ думали, что они значенія не имѣютъ,—и вдругъ, оказалось, всѣмъ пужны до зарѣзу, никакъ не обойтись безъ нихъ, и вездѣ, то и дѣло, запутывается все, и люди не знаютъ, куда имъ руки приложить“ (ibid.).

„Онъ былъ не отдѣлимъ отъ своей церкви, (которую онъ самъ и устроилъ съ своими прихожанами въ одномъ изъ забытыхъ и бѣдныхъ селъ Барнаульскаго уѣзда); гдѣ видѣли о. Евферія, —тамъ непременно оказывалась и она... А такъ какъ Макаренко, кромѣ передовыхъ позицій, другихъ не зналъ, то и самодѣльный храмикъ его позади не оставался. Гдѣ люди падали подъ

предательскими пулями, кровью исходили отъ устали, и умирали сотнями и тысячами, — тамъ же, въ самомъ пеклѣ, какъ часовой на своемъ мѣстѣ, непремѣнно пребывалъ и о. Евферій. Замолкнетъ бой, — онъ начинаетъ свою службу, какъ священникъ, предъ алтаремъ. Начнется, — онъ идетъ въ цѣпь, какъ санитаръ, фельдшеръ и иной разъ какъ докторъ... Какъ бы при больномъ и раненомъ ни была черна и грязна работа, — онъ самъ, непрошенный и незванный, шелъ на нее и не успокаивался, пока не приводилъ ее къ концу. Устали на него не было. Не доѣсть, не допѣть, — а непремѣнно окажется тамъ, гдѣ всего тяжелѣе и невыносимѣе людямъ, и при этомъ все онъ обставляетъ такъ, что его личность была какъ-то незамѣтна. Точно весь до тла расходился въ самомъ дѣлѣ, пропадалъ въ немъ... По ночамъ доставляли транспорты съ ранеными, — послѣ цѣлаго дня возни съ такими же о. Евферій тутъ какъ тутъ“... («Руск. Сл.» № 63.)

Но не могу позволить себѣ дѣлать слишкомъ много выписокъ, очень много заняли бы они мѣста; ограничусь немногими.

„Онъ (о. Миловановъ) — и носильщикъ, и санитаръ, и фельдшеръ, и докторъ. Только его и увидишь на страдѣ. Надѣнетъ бѣлый халатъ, и кончено. И пищу раздастъ, и поить, и разговариваетъ. Въ вагонахъ съ опасными ранеными проводить цѣлыя ночи. Не даетъ бѣднякамъ духомъ падать. Его и звать къ нимъ не приходится, — точно угадываетъ, что онъ нуженъ. Случается, цѣлыми часами у одной и той же постели проводилъ безотходно. Фельдшеръ, сестра заморятся, заснутъ, — только не онъ. У такихъ, — я не знаю, во взглядѣ или въ голосѣ, — есть нѣчто завоевывающее чужую душу. Какими-то невидимыми тонами сердца привязываетъ къ себѣ другое. Самыя обыденныя, я бы сказалъ — банальныя, утѣшенія наполняютъ обреченнаго чувствомъ надежды, вѣрою во что-то великое, счастливое, безконечное, и, вмѣсто того, чтобы съ отчаяніемъ цѣпляться за отходящую жизнь, — умирающій, улыбаясь, встрѣчаетъ послѣднія минуты, даже не зная безжалостнаго приговора глупой случайности“ („Русск. Сл.“ № 90.)

Двѣнадцать послушниковъ пріѣхало съ Аозна санитарями. Здоровые, сильные, молодець къ молодцу. На работу они накинудились, словно „жаждущій елень на источники водные“. Кажется, не было для нихъ устали и измору. Впервые за все время своего монастырскаго затворничества нашли себѣ настоящее, живое дѣло, по сердцу, такое, на которое душу отдай, и то мало. Въ сплошномъ огнѣ подымали раненыхъ, смѣшно отмахивались отъ пуль заскоруждыми лавицами, точно отъ шмелей; отстань-де, поганая, падоѣла, видишь, тутъ работа не ждетъ, не нуди. Съ ними не могли, разумѣется, сравняться такіе же, посланные сюда „Краснымъ Крестомъ“.

Въ Иверской общинѣ былъ монахъ-молчальникъ. Работалъ онъ изумительно, но при этомъ никому ни слова. И только когда привозили буйнаго помѣшаннаго или тяжело раненаго, умирающаго, „уста у него отверзались“. Онъ, не боясь сумасшедшаго, отсылалъ прочь сторожей и санитаровъ, садился къ нему на кровать или рядомъ и говорилъ съ нимъ такъ, что не было случая, въ которомъ больной не отходилъ бы и не успокаивался подъ впечатлѣніемъ этой ласки, этого душевнаго тепла. Съ умирающими онъ оставался дни и ночи, пока смерть-освободительница не смыкала мученикамъ воспалиенные глаза. Благословивъ трупъ, монахъ опять смолкалъ, и строгій, задумчивый, безъ словъ дѣлалъ свою невидимую, утомительную работу. Окружавшіе удивлялись, что дѣлалось съ „бѣсноватыми“. Движенія ихъ становилось меньше рѣзкими, лица—болѣе осмысленными. Вопившіе благимъ матомъ, они начинали прислушиваться къ тихой, ласковой рѣчи. А часа черезъ два входившіи заставляли ихъ разумно бесѣдовавшими съ монахомъ. („Руск. Сл.“ № 92.)

Они незамѣтны, эти великіе подвижники христіанской любви тамъ, гдѣ всѣ, точно звѣри, стараются уничтожать другъ друга, ихъ никто не видитъ, „точно они всѣ до тла расходятся въ самомъ дѣлѣ, пропадаютъ въ немъ“, но они несутъ громадный трудъ. Они высоко держатъ свѣтильникъ вѣры и любви, у нихъ, какъ у

мудрыхъ дѣвъ въ причтѣ евангельской, много запасено елея, и дай Богъ, чтобы побольше было этихъ подвижниковъ на нивѣ Господней. „Итакъ молитесь Господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву свою“. (Матѹ. IX, 38.).

Съ такими подвижниками будетъ долго еще сильна и крѣпка наша Русь. Они свѣтятъ, какъ яркія звѣзды, на темномъ, задернутомъ тучами, горизонтѣ и пусть они будутъ намъ, пастырямъ, путеводными звѣздами и въ нашей пастырской дѣятельности.

Свящ. І. Блигодатовъ.

С. Устьянское.

5 іюля 1905 г.
